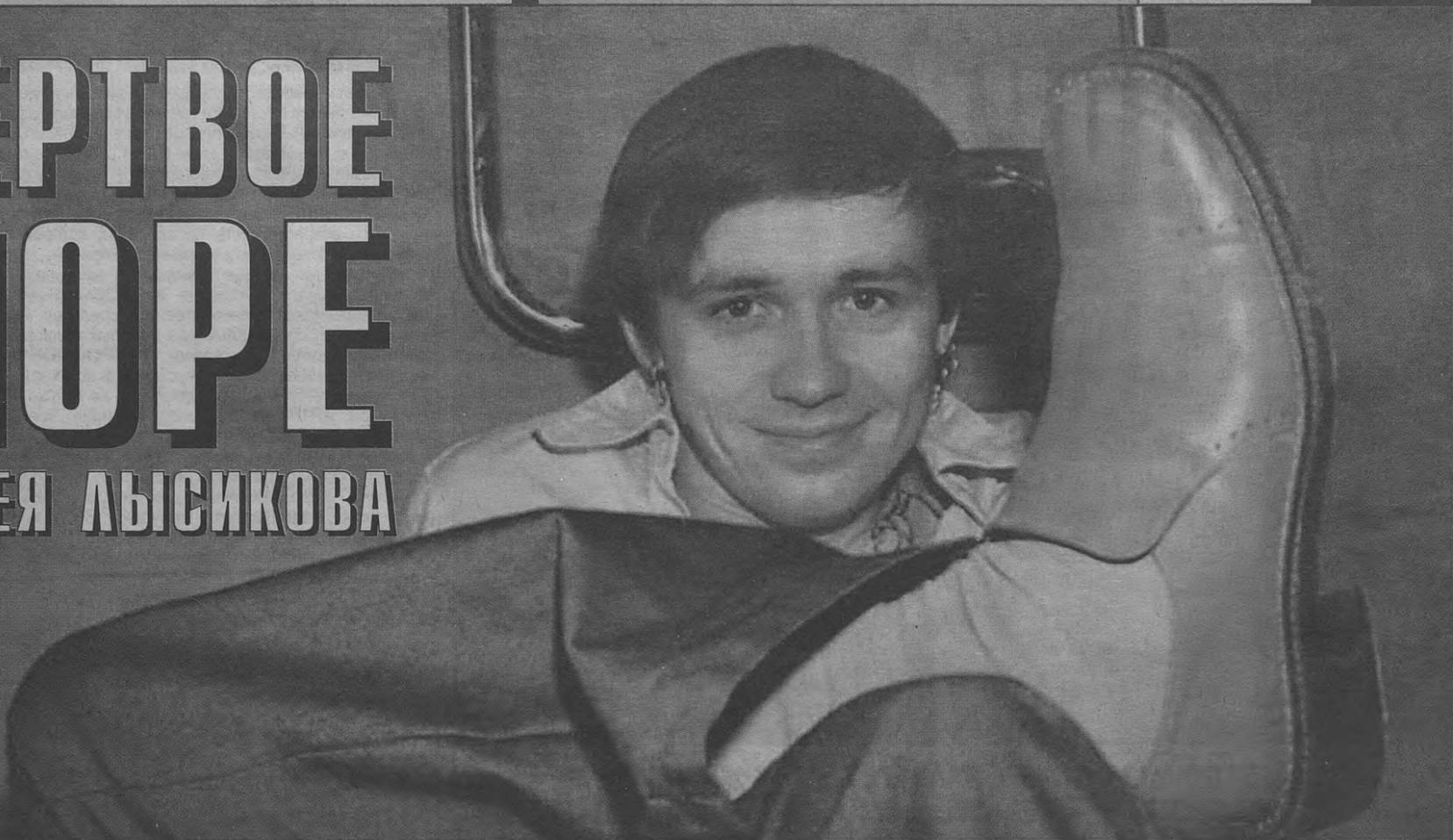

МЕРТВОЕ МОРЕ

АНДРЕЯ ЛЫСИКОВА

ИЗВЕСТНЫЙ ПОД ПСЕВДОНИМОМ ДЕЛЬФИН ПЕВЕЦ СЧИТАЕТ, ЧТО ЕГО СПОСОБНЫ ПОНЯТЬ ТОЛЬКО ЕДИНИЦЫ. ОСТАЛЬНОЙ НАРОД – ТУПОЙ

Я пришел спросить его о музыке, о его новом альбоме, а получился разговор о жизни и об альтернативе. Оказалось, что музыка, которая заставляет думать, куда-то исчезла. Ее вытеснила та, которая помогает пить, танцевать, вертеть задницей, но никак не думать. Если раньше непонятным словом «альтернатива» называлось все, что не связано с дешевой попсой, то сейчас альтернатива – это чуть ли не только он один. И его уже можно смело заносить в Красную книгу.

Евгений ЛЕВКОВИЧ

– Андрей, хочу я с тобой поговорить про альтернативу в самом широком понимании этого слова. Вот, например, ты на президентские выборы ходил?

– К сожалению, не смог чисто физически, был в дороге. Хотя очень хотел. В этот раз я вдруг почувствовал острую необходимость бросить листочек в урну, хотя раньше на выборы не ходил. Просто сейчас надо что-то срочно менять. Не хочется влезать в политику, но выхода другого нет. Потому что с нами уже делают все, что хотят. Я это понял, когда увидел результаты выборов в Ингушетии. То, что Путин набрал там 97% голосов, лично для меня говорит только о том, что либо выборы полностью сфальсифицированы, либо там всех просто взяли за горло.

– Взяли за горло?

– Ну да... Я, может быть, жестко выскажусь... (задумывается) но народ у нас тупой. Это однозначно! Мы как нация несостоятельны. Мы не граждане своей страны, мы – быдло. Нас бьют, пинают, режут, взрывают – и все равно ноль эмоций! Разве что если начнется глобальная война, тогда все встанут – и то только потому, что деваться будет уже некуда. А пока нечто ужасное происходит на другом конце города или страны, и никого это не трогает. Главное, что не со мной. Символично, что наши выборы прошли почти одновременно с выборами в Испании. Сразу видно, что Россия и Европа – просто две разные цивилизации. В Испании прогремели взрывы и на следующий день все люди вышли на улицу, потому что почувствовали угрозу своей национальной безопасности. И правительство страны было вынуждено уйти в отставку. Нам до такого далеко, очень и очень...

– Ты, наверное, хотел проголосовать «против всех»?

– Лично я хотел голосовать за Хамада. Понятно, что даже если бы она стала президентом, ее все равно бы «нахлобучили» в три счета. Но хотя бы лицо у страны поменялось, стало бы более человеческое. Это уже много.

– Как думаешь: а нет ли в том, что происходит в стране, вины творческой элиты, в том числе и музыкальной? Ведь раньше к кумирам прислушивались, а сейчас эти кумиры только гребут деньги лопатой и говорят, мол, «политика – это грязь, зачем мне все это» и т. д.?

– Я думал об этом. Есть вина, конечно. Мы ведь люди, имеющие возможность сказать что-то важное на большую аудиторию, но мы этого не делаем. В 1991 году многие подростки пришли к Белому дому, потому что там были Кинчев, Шевчук, Макаревич... Слово всегда отзывается в сердцах, а сейчас этого слова нет, все молчат как рыбы. Волна сошла, и все успокоилось. И сейчас музыка совсем про другое. Всем хорошо! Стали зарабатывать, кататься по стране, записываться в западных студиях... И моя вина в происходящем есть тоже. Год назад я бы вообще не стал про политику разговаривать, я был занят своим. Так что, то, что сейчас мы с тобой говорим, – это уже хорошо. Но у меня есть желание пойти дальше и высказать все накопившееся в песнях. Только желание это должно окончательно созреть до конкретной идеи, чтобы в итоге это не было мальчишеским уколком толстому большому дядьке.

– Вообще тяжелый выбор для творческого человека. Когда ты хочешь заявить в песне о своей гражданской позиции, то должен понимать: сама музыка от этого потеряет. Да и на пафос скатиться очень легко...

– Точно. И я думаю, как этого избежать. Чтобы песни имели и художественную ценность, и в то же время одновременно обладали какими-то свойствами плаката. В принципе, я могу задать целью и сделать пластинку именно на какую-то одну тему, допустим – на политическую. Но ведь не всегда вдохновение можно направить в русло, нужное тебе. Нельзя идти наперекор себе. Я такие эксперименты проводил, и они все заканчивались печально. Когда начинаешь тупо упираться, тогда все и разваливается. Я уверен, что концептуальные пластинки не просрочиваются, не «делаются». Уверен, что «Пинк Флойд» свою «Стену» не «выдрачивал». Просто этих людей идея прорубила изнутри, из самой глубины, и

именно поэтому идея в процессе работы над пластинкой не поменялась.

– Вернемся к тому, что ты думаешь о нашем народе... Если он туп, по-твоему, то для кого же ты поешь?

– Для тех единиц, кто способен хоть что-то понять. Я иллюзий никаких не питаю. Двум третям тех людей, которые приходят в зал, я просто не верю. Они приходят, не потому что хотят услышать тексты и музыку, а потому что кто-то сказал им: «Это сейчас модно!» Или рекламу по телевизору увидели. Ну и вообще, когда едешь по стране, особенно в маленьких городах, заметно, что всем по фигу. Там ходят на любого артиста, главное – чтобы из Москвы. И это одна из причин, по которым мне часто не хочется давать концерты.

– А что же делать-то?

– Не опускать рук и честно делать свое дело.

– Андрей, а ты можешь назвать свою музыку альтернативной? И что ты вкладываешь в это понятие?

– Для себя я определил так: альтернатива – это то, что вне рамок. Чистой воды эксперимент. То, что идет вразрез с общепринятыми стандартами. Альтернативной может быть любая музыка, не обязательно тяжелая гитарная или электронная. И поэтому я не могу назвать себя альтернативным исполнителем. И не был им никогда.

– Ты в чем-то стандартен?

– По сути, да. Я никогда не делал каких-то диких экспериментов и особенно не авангардничал. Я всегда старался писать просто актуальные песни, так что слово «поп» применительно к моей музыке больше подходит. Я серьезно.

– А в жизни, в быту ты можешь назвать себя альтернативным и авангардным человеком?

– Наверное, могу. Вокруг много всего серого и убогого. В альтернативе этому мне хочется жить немножко по-другому. Я стараюсь.

– «По-другому» – это как?

– Хотя бы интересоваться жизнью и тем, что происходит вокруг тебя, а не только с тобой. Не нужно идти в террористы, чтобы жить по-другому. В нашей стране достаточно ярко одеваться, например. Ведь большинство наших людей неинтересны даже с этой точки зрения. И дело тут не в финансовых возможностях, цвет одежды от денег не зависит. Люди вокруг не интересны ни с какой стороны. Ни их жизнь, ни то, чем они занимаются, ни то, как они разговаривают...

– А ты часто бываешь за границей?

– Бываю.

– По-твоему, там живут другие люди?

– Я не могу с уверенностью сказать. Я никогда там не жил долго, общался со всеми только поверхностно. Но сразу заметно – общий уровень напряженности между людьми на Западе намного ниже. И люди себя чувствуют намного свободнее во всем. Да что там люди! Я тебе приведу такой пример. Последнее видео мы снимали в Берлине. Пришли на местный «Юниверсал» – бешеный офис, охрана, все в мраморе и т. д. И вдруг в коридоре прямо на полу лежит огромная собака, чешет лапы. Оказывается, простой рядовой сотрудник ее с собой на работу привел. И никто не зарубается! Понимаешь разницу? Так у них относятся к собакам, чего уж там о людях говорить. У нас же зарубаются все и по любому поводу. На улицах люди постоянно пребывают в какой-то «бычке».

– А ты рассматривал когда-нибудь вариант, при котором ты уедешь из этой страны?

– Ну... у Путина есть все шансы заставить меня это сделать (думает)... Знаешь, уже сейчас у меня такое состояние, когда хочется привести в порядок все свои дела – так, на всякий случай. За все заплатить, со всеми рассчитаться, приватизировать жилье, чтобы потом, если что, успеть продать. Хотя так уезжать не хотелось бы. Это крайний случай, но с этой властью я рассматриваю такую возможность.

– А у тебя есть вообще ощущение Родины, своей принадлежности к России или ты, что называется, гражданин мира?

– Трудно сказать. Я люблю свою маленькую родину: дом, подъезд, лес, друзей, которых не хочется терять. Ведь каждый интересный человек, интересное общение – это как подарок... Но я одновременно понимаю, что на большой родине все убого и бесцветно. Поэтому все-таки не думаю, что у меня была бы реальная ностальгия, если бы я уехал. Главное – чтобы была возможность сделать то, что хочется, к чему есть призвание.

– Давай гипотетически представим, что ты уезжаешь. Меняется твоя музыка?

– Конечно. Те раздражители, которые здесь присутствуют и подвигают меня на творчество, пропадут. Но представлять не нужно, я пока никуда не уезжаю. Потому что если ты хочешь что-то сделать для тех людей, которые здесь живут, тебе нужно это делать именно здесь. Жить тут и дышать этим дерьмом. Невозможно жить и записывать пластинки

в другой стране – ты очень быстро начнешь разговаривать на другом языке, который здесь уже не поймут. А я все-таки хочу здесь что-то сделать, попытаться, по крайней мере. Музыка вообще очень сильно зависит от того места, где ты находишься, где живешь. Почему она у нас в стране убогая? Мы тратим очень много энергии и времени на решение бытовых проблем, это пожирает нас практически целиком. Не остается времени ни на какую рефлексию. Мы всегда в бегах. Даже чтобы сейчас выйти на улицу, надо потратить полчаса, надевая на себя всякое барахло – шарфы, шапки, свитера. Мы живем в непригодной для человека среде обитания. Так уж получилось. Быт сжирает все.

– А ты вообще способен писать красивую и светлую музыку?

– Да. Я уверен. Спокойную, ровную и светлую. Я вот был в Индии месяц назад, и меня так проперло! Там всех этих проблем мудацких просто не существует. Насколько полноценными там становятся дни! Утро как утро, день как день, вечер – так вообще... Все весомо, ты это ощущаешь.

– Ты предлагаешь всем нам собраться и испортить Индию?

– Так потихоньку уже портят (смеется). Некоторые наши люди живут в Гоа уже по шесть лет – они сдают в Москве квартиры за 300–400 долларов, а там на эти деньги снимают дом и питаются. Там поесть можно на доллар в день. А больше там ничего и не надо. Правда, знаешь, не каждый может осознать то, что там происходит.

– А ты осознал?

– Не могу сказать, что до конца. Но что-то я почувствовал. Там реально понимаешь, какой мышинной возней мы занимаемся. Все наше общество построено на самоутверждении за счет других. Ты постоянно должен кому-то понравиться, и тогда я буду чувствовать хорошо. Там этого нет, там ты никто! (Пауза.) Ты знаешь, когда я туда ехал, мне люди говорили: «Будешь уезжать оттуда – будешь плакать». Я не верил, но в последний день я просто рыдал... И еще там нет такого чувства, что ты приехал отдыхать, даже если ты вообще ничего не делаешь. Что-то постоянно щемит внутри, моторчик крутится у тебя. Там можно работать, безусловно, можно творить каждый день. Там все для этого есть. Представь себе, заходишь ты там в крутой супермаркет. И что ты первым делом видишь, как думаешь? Стоят готовые холсты и масляные краски! А у нас в магазинах – что на первых полках?

Вед. Моемба
2004 г.

25.03.2004

Дельфин (Лысиков Андрей)

2004